

КЛАВДИЯ ЛУКАШЕВИЧ

Дядюшка-флейтист

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л84

Лукашевич К.

Л84 Дядюшка-флейтист / К. Лукашевич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 158 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77659-7

Произведения Клавдии Лукашевич, исполненные милосердия, сострадания и любви к детям, по праву входят в золотой фонд русской детской литературы. Ее рассказы и повести знают и любят уже несколько поколений читателей.

В книгу включены две повести: «Дядюшка-флейтист» и ее продолжение «Сиротская доля».

Наташа, маленькая сирота, живет в семье родственников, где всем заправляет глупая и жестокая тетка. Девочка лишена ласки и внимания, жизнь ее беспросветна. Но вот в доме на недолгое время появляется добрый, хотя и чудной дядюшка, в котором Наташа находит родственную душу...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77659-7

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ДЯДЮШКА-
ФЛЕЙТИСТ

НЕУДАЧНАЯ ПРОСЬБА

Наступил вечер. Марья Ивановна зажгла небольшую голубую фарфоровую лампу и надела на нее розовый бумажный абажур. Приятный свет озарил низкую продолговатую комнату, убранную с некоторым щегольством. Мягкий диван и два кресла были обиты красным ситцем с большими желтыми букетами; перед диваном стоял круглый стол с узорчатой клеенкой; между окнам висело небольшое зеркало, приютился столик с высокими стеклянными подсвечниками, на которых красовались огромные бумажные розетки в форме розанов. На стенах висели олеографии в узеньких золоченых рамках: на двух были изображены дети с собачками — один плачет, другой смеется; на других картинах были необыкновенно яркие пейзажи. Тут же в комнате у стены стояло старинное фортепиано с бронзовыми ручками и этажерка, покрытая пестрой вязаной салфеткой; этажерку украшали чайные чашки, вероятно дареные в именины, масленка в виде огурца, серебряная солонка и несколько дешевеньких статуэток; на окнах из-за тюлевых занавесок виднелись тощая герань и фуксии. Квартира была тесная, с низкими потолками, где-то на окраине города, в одном из тех небольших деревянных домов, где ютятся бедняки, всю жизнь проводящие за тяжелым трудом.

Марья Ивановна, засветив лампу, стала накрывать на стол. Это была женщина высокая, полная, с красным лоснящимся лицом, покрытым веснушками, движения ее, несмотря на полноту, были быстрые, манеры решительные. Она проворно гремела чашками и ложками, двигала столом и стульями, затем поспешно скрылась из комнаты и бегом вернулась с гулко кипящим самоваром; потом грузно опустилась на стул, заварила чай и, сложив на груди руки, задумалась.

В углу за диваном что-то зашуршало и грохнуло на пол.

Марья Ивановна вздрогнула и обернулась.

— Фу, как ты меня испугала! Я совсем о тебе забыла. Чего ты там возишься?! — недовольным тоном проговорила она.

— Я, тетенька, катушку уронила, — слышался тихий ответ; из-за дивана выглянуло худенькое личико с остриженными под гребенку белокурыми волосами и вдумчивыми большими глазами, над которыми резко выделялись темные, приподнятые брови, придававшие лицу выражение не то испуга, не то удивления.

— Липочка ! Петр Васильевич! Идите чай пить! — низким, грудным голосом кликнула Марья Ивановна, не обращая больше внимания на выглянувшую из-за дивана девочку.

За тоненькой перегородкой слышалось движение. Отворилась дверь, и вошла молодая девушка — полная, черноглазая, как две капли воды похожая на сидевшую за столом женщину. Девушка была в широком розовом ситцевом капоте; волосы ее на лбу были завиты в бумажные папильотки. Она поспешно подошла к зеркалу и стала внимательно разглядывать свое лицо.

Из-за дивана на смотревшуюся девушку устремились любопытные детские глаза. «Это Липочка опять на свой нос смотрит», — мелькнуло в белокурой стриженной голове.

— Ах, это противное, кривое зеркало! Ну когда вы мамаша, соберетесь купить хорошее? Своего лица узнать нельзя! — проговорила черноглазая девушка.

— Подожди милая. Вот когда твой батюшка свою роденьку с рук спустит... тогда можно будет и о наших удобствах подумать... тогда и зеркало тебе купим.

— Смотрите, мама! Какая досада! Опять отчего-то у меня нос краснеет... Что я стану делать?!

— Помажь на ночь кольд-кремом, — посоветовала мать.

Молодая девушка развалистой походкой подошла к столу, села удобно на диван и отложила себе с сухарницы половину булок.

— Не осталось ли у нас, мамаша, ливерной колбасы да вареньица? — спросила она гнусливым голосом, положив небрежно локти на стол.

Мать ласково улыбнулась.

— Ишь ты лакомка! Избаловала я тебя! Так и знала! что за чаем попросишь... Конечно, припрятала...

Она поднялась, достала из шкафа кусочек колбасы, чашку с отбитой ручкой и отдала все дочери.

— Петр Васильевич, да иди же чай пить! Наталья, бери свою кружку! — сказала Марья Ивановна, отставляя на край стола желтую кружку и откладывая ломтик хлеба, два сухаря и кусочек сахару.

Наташа вышла из-за дивана. Это была бледная, худенькая девочка лет семи-восьми, одетая в какой-то старый, длинный балахон и в стоптанные туфли. Она, робко ступая по полу, тихо подошла к столу, взяла кружку и снесла ее на стул, к которому заранее подставила скамеечку. Девочка стала пить чай, жадно поглядывая на Липу и провожая глазами каждый кусок булки, который та, обмакнув в варенье, подносила ко рту, хотелось ли ребенку попробовать вкусного или ее занимало чавканье девушки — так и осталось невысказанным.

В это время вошел высокий белокурый господин в очках, худощавый, сутуловатый. Из всех присутствующих только маленькая девочка поразительно походила на него. Вошедший устало потянулся, протер очки, жмуря глаза, и затем глубоко, болезненно вздохнул на всю комнату.

— Фу, как устал! — вырвалось у него.

— Садись чай пить, — сказала Марья Ивановна.

— Погоди, дай немножко в себя прийти от этой каторжной работы.

Он стал ходить взад и вперед по комнате, потирая руки, проходя мимо Наташи, взглянув украдкой на сидевших за столом, он порывисто погладил девочку по стриженной голове.

— Машенька, налей Наташе еще чайку, — тихо сказал он.

— Что у нее языка что ли нет? Наталья, что же ты не спросишь? Хочешь?

— Позвольте, пожалуйста, тетенька, — заученным тоном ответила девочка, подходя с кружкой к столу.

— Может, ей булочки еще хочется? — начал было Петр Васильевич.

— Пожалуйста, не беспокойся... — перебила его жена. — Она получила всего вволю... Разве полезно наедаться на ночь? Ты не вмешивайся: твою племянницу не обидят.

Петр Васильевич стал пить чай. Он был молчалив, печален; между бровями у него лежали глубокие морщины — свидетельницы тяжелых дум, пальцы его нервно барабанили по столу.

В комнате наступило молчание.

Черноглазая Липа с аппетитом допивала уже третью или четвертую чашку чаю.

— Мама, да нет ли у нас еще кусочка булки? — спросила она, заглядывая в чашку с отбитой ручкой.

Булка оказалась припрятанной и девушка стала ее намазывать остатками варенья.

Петр Васильевич тряхнул решительно волосами и взглянул на жену.

— Машенька... Вот... я давно все хочу поговорить с тобой, — начал он каким-то заискивающим тоном.

— Насчет чего это? — удивилась Марья Ивановна. Липа перестала жевать и смотрела на отца.

— Да насчет Коли...

— Что еще приключилось с твоим полупомешанным братцем?

— Надо бы его взять к нам...

— Этого не доставало!!! Ты, кажется, намерен всю свою милую роденьку поселить здесь! Тогда и мне с дочерью места не хватит!

— Ужасно жаль Колю! Больной, одинокий, бедствует... Одежды нет... А теперь морозы наступают... Помогать же мне ему решительно не из чего...

— Поменьше бы пил!.. Да место себе сыскал бы... Еще бы ты вздумал на сорок рублей жалованья всех своих родственников содержать! И без того тянемся для них из сил, себе во всем отказываем...

— Нельзя же, Машенька, жить только для себя. Положим, мы люди бедные, помогать много не из чего... Так хоть для близких сделаем по возможности...

— Мало мы еще делаем! — взвизгнула Марья Ивановна. — Вот твоя племянница два года живет! Разве она нам мало стоит? А у нас дочь взрослая... Молоденькой девушке и того и другого хочется... А мы ей даже зеркальца приличного не можем купить...

— Коля немного стоил бы и не помешал бы вам... Он человек недурной и в доме помог бы.

— Ну да!!! Напьется, того и гляди, квартиру спалит, набуянит... Мало ли что может натворить!

— Что ты, Машенька! Он как ягненок, тихий... Конечно, это несчастье с ним случается, выпьет... В семье его скорее остановить, удержать можно... Да и денег у него теперь нет... Если он выпьет, то молчит, сейчас спать ложится... Ты не бойся, я его уговаривать стану: не смеет он.

— Где ж вы, папа, поместить хотите почтенного дядюшку? — спросила Липа.

— Можно, пожалуй, у меня в комнате...

— У тебя нельзя. Самому повернуться негде! — резко сказала жена.

— Ну, хоть в кухне ему уголок отвести: он не требовательный, его судьба не баловала...

— Уж увольте, папа. Мне в кухню тогда и выйти нельзя будет: вечно одевайся, стесняйся... В своей квартире покою не будет!

— Нет, нет! Как хочешь... Я не согласна взять сюда еще твоего идиота братца. Довольно! Я не соглашаюсь! — крикливо проговорила Марья Ивановна.

— Люди животных жалеют... А для человека, для моего родного брата, у нас ни угла, ни куска хлеба, значит, нет? Он, голодный, нищий, будет умирать зимой под забором, а мы станем спокойно смотреть? Так что ли? Спасибо, жена!

Петр Васильевич встал; он весь трясся, говорил задыхающимся голосом, раскрасневшись и ероша волосы.

— Сделай, пожалуйста, одолжение! Зови сюда своего Коленьку и всю твою милую роденьку. Только уж мы с дочерью уедем, — язвительно проговорила жена, поднимаясь и унося самовар.

Петр Васильевич прошел в свою комнату, стиснув руками голову.

— Ах, эта злополучная судьба! Забила ты нас всех! — громко проговорил он там.

— Вот еще что выдумал! — шипела Марья Ивановна, обращаясь в Липе. — Сами бедствуем... А тут корми всех его дармоедов-родственников.

— Не соглашайтесь, мама, — шепотом отвечала дочь, подошла к зеркалу, зажгла свечу и стала опять рассматривать свое лицо.

— Твоего почтенного дядюшку и в квартире-то совестно держать. Такой оборванец, точно нищий. Вообще, вся родня твоего папеньки... одно несчастье!

— Ш-ш-ш-ш-ш, мама, тише... «У наших ушки на макушке», — Липа подмигнула на Наташу.

— Ну что она, глупая, смыслит? — возразила мать, убирая чайную посуду.